

Налогообложение стейкинга цифровых валют в Российской Федерации: возникновение дохода для целей исчисления и уплаты НДФЛ и налога на прибыль

Аннотация. Исследование посвящено анализу стейкинга цифровых валют как особого вида деятельности, связанного с возникновением новой цифровой валюты, а также рассмотрению возможности и необходимости обложения доходов от такой деятельности налогами на прибыль и на доходы физических лиц. Освещаются вопросы, относящиеся к возникновению дохода в результате стейкинга, моменту признания такого дохода (на этапе получения или реализации цифровой валюты), учету расходов, особенностям налогообложения ликвидного стейкинга, обложению налогом у источника выплат. Анализ законодательства России, научных исследований, а также технических и иных особенностей стейкинга позволил сделать вывод о необходимости налогообложения доходов, возникающих в результате стейкинга; законодательного закрепления понятий «стейкинг» и «стейкинг-пул»; включения в НК РФ специальных норм, регулирующих налоговые последствия операций с цифровыми валютами, полученными в результате стейкинга.

Ключевые слова: стейкинг; цифровая валюта; криптовалюта; криптоактивы; налогообложение цифровых валют; блокчейн; майнинг; децентрализованные финансы; налог на доходы физических лиц; налог на прибыль организаций

Для цитирования: Грошев С. А. Налогообложение стейкинга цифровых валют в Российской Федерации: возникновение дохода для целей исчисления и уплаты НДФЛ и налога на прибыль // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 2. — С. 30–46. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.030-046

© Грошев С. А., 2026

* Грошев Семён Александрович, аспирант Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, специалист налогового департамента ПАО «Газпром»
Лермонтовский просп., д. 44, лит. А, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190103
grochev@icloud.com

Taxation of Digital Currency Staking in the Russian Federation: Recognition of Income for Personal Income Tax and Corporate Profit Tax Purposes

Semen A. Groshev, Postgraduate Student, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics (UMTE); Tax Department, Specialist at PJSC Gazprom, St. Petersburg, Russian Federation
grochev@icloud.com

Abstract. The study is devoted to the analysis of cryptocurrency staking as a specific type of activity associated with the creation of new digital currency, as well as to the examination of the possibility and necessity of subjecting income derived from such activity to corporate income tax and personal income tax. The paper addresses issues relating to the emergence of income as a result of staking, the moment of recognition of such income (at the stage of receipt or upon disposal of the digital currency), the deductibility of expenses, the specific features of the taxation of liquid staking, and the imposition of withholding tax at source. An analysis of Russian legislation, academic research, and the technical and other characteristics of staking has led to the conclusion that it is necessary to: tax income arising from staking; provide statutory definitions of the concepts of «staking» and «staking pool»; and introduce into the Tax Code of the Russian Federation special provisions governing the tax consequences of transactions involving digital currencies obtained through staking.

Keywords: staking; digital currency; cryptocurrency; crypto-assets; taxation of digital currencies; block chain; mining; decentralized finance; personal income tax; corporate income tax

Cite as: Groshev SA. Taxation of Digital Currency Staking in the Russian Federation: Recognition of Income for Personal Income Tax and Corporate Profit Tax Purposes. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(2):30-46. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.030-046

Введение

Важной составляющей формирования законодательства, регулирующего обращение цифровой валюты, является определение потенциальных налоговых последствий для операций с таким активом. Особенно сложно в этой части установить последствия для операций, характерных именно для цифровых валют, таких как стейкинг.

Несмотря на то что Федеральный закон от 29.11.2024 № 418-ФЗ¹ определил основные правила налогообложения цифровых валют, в том числе специальные правила для налогообложения операций по осуществлению майнинга, стейкинг цифровой валюты остался без отдельного законодательного рассмотрения. Данное обстоятельство привлекает внимание, поскольку стейкинг цифровой валюты связан

со многими крупнейшими по капитализации цифровыми валютами и имеет определенное сходство с майнингом, отличаясь от него отдельными техническими и экономическими особенностями. В связи с этим как у исследователей, так и у участников рынка цифровых валют могут оставаться вопросы о корректном определении налоговых последствий операций стейкинга. Кроме того, актуальность настоящего исследования подтверждается тем, что в отличие от майнинга, активно изучаемого российскими учеными, тема стейкинга как явления остается практически нераскрытой.

1. Характеристика стейкинга и его разновидности

Понятие «стейкинг» в российском законе не закреплено. Тем не менее оно активно приме-

¹ Федеральный закон от 29.11.2024 № 418-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 49. Ст. 7409.

няется как специалистами в сфере цифровой экономики, так и государственными органами различных стран, в том числе для формирования регуляторных подходов².

Стейкинг связан с функционированием механизма консенсуса Proof-of-Stake (PoS). Механизм консенсуса является одним из ключевых элементов технологии блокчейн³, на основании которой работает большинство цифровых валют: он позволяет подтверждать транзакции и генерировать новые блоки внутри сети. PoS представляет собой один из вариантов механизма консенсуса и обладает рядом отличительных признаков. Его работа обеспечивается валидаторами — участниками блокчейна, которые отвечают за проверку и подтверждение транзакций путем блокировки (заморозки) своей цифровой валюты на определенный период, предусмотренный блокчейном⁴. Фактически такая блокировка цифровой валюты потенциальным валидатором является условием для функционирования блокчейна на механизме консенсуса PoS. Как правило, вероятность того, что определенный узел сети (нода) будет выбран в качестве валидатора, зависит от количества заблокированной им цифровой валюты⁵. Выбранный валидатор получает вознаграждение в виде цифровой валюты,

что является его стимулом для поддержания надежности и безопасности сети.

Исходя из изложенного, в широком смысле под стейкингом следует понимать деятельность по подтверждению транзакций и созданию блоков в сети, обеспечивающую работоспособность блокчейнов на механизме консенсуса PoS.

На сегодняшний день большое количество крупнейших по капитализации цифровых валют функционируют на основе механизма консенсуса PoS: Ethereum⁶ (ETH), Solana (SOL)⁷, Cardano (ADA)⁸.

Как отмечают некоторые исследователи, в отличие от механизма консенсуса Proof-of-Work (PoW)⁹, частью которого является майнинг, PoS обладает рядом существенных преимуществ, что делает его привлекательным для многих проектов на основе блокчейна¹⁰. Его ключевыми достоинствами являются экологичность и экономичность: стейкинг, технологически осуществляемый через блокировку криптоактивов для участия в механизме консенсуса, исключает выполнение ресурсоемких криптографических вычислений, характерных для майнинга, вследствие чего для него не требуется покупка специализированного дорогостоящего оборудования¹¹.

² CRYPTO61214 — Decentralised Finance: Lending and staking: Income tax: Making a DeFi loan: Nature of the return. 30 March 2021 (updated 6 May 2025) // URL: <https://www.gov.uk/hmrc-internal-manuals/cryptoassets-manual/crypto61214> (дата обращения: 08.05.2025).

³ Подробнее про применение технологии блокчейн в экономике см.: *Крылов Г. О., Селезнёв В. М.* Состояние и перспективы развития технологии блокчейн в финансовой сфере // *Финансы: теория и практика.* 2019. № 6. С. 26–35.

⁴ *Кашеварова Н. А., Куликова М. Е., Ряскина А. Д.* Обзор механизмов консенсуса и их применение в бизнес-практике // *Креативная экономика.* 2022. № 12. С. 4791.

⁵ Узлом (нодой) сети называется минимальная и неделимая единица блокчейна, подключенная к такой сети, которая обрабатывает и хранит данные (например, компьютер). Подробнее про работу блокчейна и технологию распределенного реестра см.: *Шилов К. Д., Зубарев А. В.* Блокчейн и распределенные реестры как виды баз данных // *Инновации.* 2018. № 12. С. 77–87.

⁶ Ethereum Whitepaper // URL: <https://ethereum.org/en/whitepaper/> (дата обращения: 08.05.2025).

⁷ *Yakovenko A.* Solana: A new architecture for a high performance blockchain v0.8.13 // URL: <https://solana.com/solana-whitepaper.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).

⁸ URL: <https://cardano.org/> (дата обращения: 08.05.2025).

⁹ Подробнее о работе биткоина на алгоритме PoW см.: *Narayanan A., Bonneau J., Felten E. et al.* Bitcoin and cryptocurrency technologies: a comprehensive introduction. Princeton University Press, 2016.

¹⁰ *Плеханова Л. С.* Криптовалюты как социально-экономическое явление // *Вестник Московского университета.* 2023. № 3. С. 100.

¹¹ *Коржова И. В.* Концепция правового регулирования майнинга // *Право и государство: теория и практика.* 2023. № 1. С. 89.

Технологические различия между стейкингом и майнингом также делают невозможным применение легального определения майнинга, предусмотренного в российском законодательстве¹², к стейкингу, вследствие чего для обеспечения законодательного регулирования стейкинга необходимо закрепление отдельной дефиниции, раскрывающей его сущность.

Исследователи выделяют различные классификации стейкинга, однако наиболее распространенная основывается на способе участия пользователей: прямой (direct) и делегированный (delegation)¹³.

В первом случае участник стейкинга, блокируя свою цифровую валюту в блокчейне, напрямую становится валидатором. При блокировке цифровой валюты участник получает возможность быть валидатором, используя настроенную для обработки и проверки транзакций на блокчейне инфраструктуру. Он напрямую способствует работе механизма консенсуса, т.к. от него требуется вовлечение в процесс стейкинга. В случае нарушения правил сети блокчейн такой участник может лишиться части заработанной цифровой валюты в качестве «штрафа», также именуемого «слэшинг» (slashing¹⁴), за нарушение условий сети. Цель такого штрафа — поддержка стабильности и безопасности блокчейна¹⁵.

В случае делегированного стейкинга владельцы цифровой валюты не являются участниками механизма консенсуса PoS напрямую и осуществляют стейкинг через посредника, передавая ему определенное количество цифровой валюты и получая часть вознаграждения за это¹⁶. Такой вид стейкинга может быть более привлекательным для владельцев цифровой

валюты, поскольку он не требует постоянного интернет-соединения или специальных технических знаний, необходимых для прямого участия. Для потенциального посредника подобный формат также может оказаться выгодным, т.к. повышает его вероятность быть выбранным в качестве валидатора. Как правило, такими посредниками выступают крупные цифровые биржи, предоставляющие услуги по стейкингу владельцам цифровых валют¹⁷.

Таким образом, стейкинг представляет собой способ получения новой цифровой валюты, который основан на блокировке уже имеющейся и ее использовании для обеспечения работы сети блокчейн. Существует несколько разновидностей стейкинга, каждая из которых имеет свои особенности и преимущества. Выбор подходящего вида зависит от потенциальной вовлеченности, целей, ресурсов и уровня риска, который готовы принять на себя его участники.

2. Возникновение дохода в результате стейкинга цифровой валюты: налог на прибыль, НДФЛ

2.1. Возникновение дохода от стейкинга и подходы к моменту его учета

Результатом стейкинга для собственника цифровой валюты, заблокировавшего активы на определенный период, является приобретение новой цифровой валюты. В соответствии с достаточно широким подходом НК РФ к определению категории дохода при первом приближении к рассматриваемой ситуации представляется, что обретение нового имущества в результате стейкинга должно рассматриваться

¹² Ч. 3.1 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

¹³ Cong L. W., He Z., Tang K. Staking, Token Pricing, and Crypto Carry. 2022 // URL: <https://www.hec.edu/sites/default/files/documents/Staking%20Paper%20June%202022.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).

¹⁴ URL: <https://academy.binance.com/ru/glossary/slashing> (дата обращения: 08.05.2025).

¹⁵ Cong L. W., He Z., Tang K. Op. cit. P. 8.

¹⁶ Lehmann M., Held A., Krysa F. et al. Staking Your Crypto: What are the Stakes? // Journal of Business & Technology Law. 2023. Vol. 19. P. 9.

¹⁷ Staking on Binance. US. FAQ // URL: <https://support.binance.us/hc/en-us/articles/360046787154-Staking-on-Binance-US-Frequently-asked-questions> (дата обращения: 08.05.2025).

по аналогии с обретением нового имущества в результате майнинга, т.е. признаваться доходом налогоплательщика в натуральной форме для целей НДФЛ и внереализационным доходом для целей налога на прибыль. Однако такое получение имущества НК РФ не указывает в качестве внереализационного дохода в отличие от цифровой валюты, полученной в результате майнинга (п. 32 ст. 250). Кроме того, для целей исчисления и уплаты НДФЛ статья 211 НК РФ отдельно относит к доходам в натуральной форме цифровую валюту, полученную в результате майнинга, без упоминания стейкинга как такового. Проводя дальнейшую аналогию с существующими нормами относительно майнинга, можно предположить, что доход от стейкинга для целей исчисления и уплаты НДФЛ и налога на прибыль необходимо признавать на дату, когда лицо, осуществляющее стейкинг, получило право на распоряжение полученной цифровой валютой¹⁸.

Как было отмечено ранее, стейкинг имеет ряд отличий от майнинга. Вследствие этого возникает закономерный вопрос: считается ли появление у налогоплательщика новой цифровой валюты в результате стейкинга доходом, являющимся объектом обложения НДФЛ, а также элементом, участвующем в формировании налоговой базы по налогу на прибыль? Кроме того, если такой доход возникает, в какой момент его необходимо учитывать?

Для полноценного анализа и определения дохода от стейкинга с целью дальнейшего ответа на поставленные выше вопросы предлагается рассмотреть стейкинг в блокчейн-сети Tezos на примере ее нативной цифровой валюты tez¹⁹. Валидаторы в данной блокчейн-сети добавляют новый блок примерно каждую минуту, получая

вознаграждение в tez. Выпуск цифровой валюты в данной сети не ограничен, но ее часть может уменьшаться при нарушениях участниками стейкинга правил блокчейн-сети (слэшинг). Новые tez увеличивают общий объем цифровой валюты, размывая долю каждого участника. Однако участники стейкинга компенсируют такое размывание, получая дополнительные tez в качестве вознаграждения, что позволяет им сохранять или увеличивать долю в блокчейн-сети. Как правило, среди специалистов в сфере криптоактивов такая модель блокчейн-сети называется инфляционной²⁰.

По мнению Абрахама Сазерленда, появление каждой новой цифровой валюты, как в случае с tez, уменьшает ценность существующих цифровых валют в блокчейн-сети²¹. Данное утверждение ставит под сомнение обоснованность определения экономической выгоды от стейкинга в размере стоимости полученных в результате него цифровых валют. В связи с этим автор рассматривает пример определения доходности, выражающейся в ежегодном процентном увеличении цифровой валюты участника стейкинга, на основе информации, опубликованной на официальном сайте Tezos, а также технической документации к этому проекту²². Согласно его расчету, валидаторы завершат год с приростом цифровой валюты в 7,34 %, но при этом ее общее предложение увеличится на 5,21 %. Таким образом, ежегодный реальный прирост цифровой валюты валидаторов составляет 2,02 %²³, что значительно меньше фактического.

Расчет Абрахама Сазерленда иллюстрирует, что определение доходности стейкинга в виде стоимости цифровой валюты в момент ее получения не учитывает, что цифровая валюта представляет собой долю в определенной сети

¹⁸ Аналогичные положения для майнинга закреплены в п. 1.3 ст. 223, пп. 20 п. 4 ст. 271 НК РФ.

¹⁹ URL: <https://tezos.com/> (дата обращения: 08.05.2025).

²⁰ Как инфляционные и дефляционные модели токенов влияют на ликвидность рынка? // URL: <https://www.block-chain24.com/articles/kak-inflyacionnye-i-deflyacionnye-modeli-tokenov-vliyayut-na-likvidnost-rynka> (дата обращения: 08.05.2025).

²¹ Sutherland A. Cryptocurrency Economics and the Taxation of Block Rewards // Tax Notes Federal. 2019. No. 4. P. 759.

²² Sutherland A. Cryptocurrency Economics and the Taxation of Block Rewards. P. 759.

²³ $(1 + 0,0734) / (1 + 0,0521) - 1 = 0,0202$.

и каждая выпущенная цифровая валюта размывает долю остальных держателей таких активов. Таким образом, представленный автором тезис обосновывает позицию о признании дохода от стейкинга исключительно при реализации цифровой валюты, приобретенной в качестве вознаграждения, а не на этапе ее получения. Это связано с тем, что факт получения новой цифровой валюты в результате стейкинга не формирует завершенной экономической выгоды до момента ее реализации.

В профессиональной литературе существуют и иные аргументы в поддержку обозначенной позиции. Так, в зарубежных исследованиях встречается мнение о том, что вознаграждение за стейкинг является самостоятельно созданной собственностью (self created property), налогообложение которой должно происходить не в результате создания такой собственности, а лишь при ее реализации²⁴. По аналогии с выращиванием овощей или фруктов на участке налогооблагаемый доход будет возникать вследствие реализации продукции²⁵. Само по себе выращивание продуктов и их присвоение не образуют такого дохода до момента реализации. Соответствующая логика может применяться и к получению самостоятельно созданной цифровой валюты в результате стейкинга.

Рассмотрев ряд аргументов в пользу возникновения налогооблагаемого дохода от стейкинга, а также его налогообложения в момент реализации цифровой валюты, обратимся к позиции, обосновывающей необходимость налогообложения цифровой валюты в момент ее получения.

Утверждение, что доход от стейкинга должен рассматриваться как самостоятельно созданная собственность, т.к. такие выплаты алгоритмически генерируются программным протоколом

блокчейна, а не являются результатом активных действий участников стейкинга²⁶, можно парировать доводом о том, что новая цифровая валюта передается ее получателю в обмен на выполнение определенных действий, связанных с функционированием блокчейна. В таком случае корректнее рассматривать доход в виде новой цифровой валюты как вознаграждение за стейкинг, а не как создание новой собственности.

Соответствующую позицию можно развить до утверждения, что вознаграждение за стейкинг фактически является вознаграждением за оказание услуг: цифровая валюта, полученная в результате стейкинга, не является созданной валидатором. Валидаторы, напротив, предоставляют услугу, без которой невозможно добавить новый блок транзакций в блокчейн, и по результату ее оказания получают вознаграждение. Следовательно, можно говорить о том, что валидатор не создает новую собственность, а предоставляет услугу, которая приносит пользу всем участникам сети, получая за это вознаграждение в виде цифровой валюты. Таким образом, стейкинг будет рассматриваться как услуга за заранее определенное вознаграждение, которое будет доходом налогоплательщика²⁷. При таком рассмотрении появление новой цифровой валюты у налогоплательщика в результате стейкинга должно формировать налогооблагаемый доход вне зависимости от факта реализации.

Таким образом, анализ аргументов исследователей позволяет заключить, что участие в стейкинге приносит экономическую выгоду участнику сети. Однако дискуссионным остается вопрос о моменте признания этой выгоды: следует ли учитывать ее на момент получения цифровой валюты или на момент ее реализации. Определяющей в этом споре может стать квалификация дохода от стейкинга: как возна-

²⁴ Sutherland A. Phantom Income and the Taxation of New Cryptocurrency Tokens // Tax Notes Federal. 2023. No. 178. P. 670.

²⁵ Харитонов А. Polygon Labs объяснили на яблоках, как облагать налогом доходы от стейкинга // URL: <https://ru.beincrypto.com/polygon-labs-staking/> (дата обращения: 08.05.2025).

²⁶ Marian O. Law, Policy, and the Taxation of Block Rewards. 2022 // URL: <https://www.taxnotes.com/featured-analysis/law-policy-and-taxation-block-rewards/2022/06/03/7dhq5> (дата обращения: 08.05.2025).

²⁷ Cipollini C. Crypto Staking Taxation Across Selected Countries: A Critical Evaluation // Intertax. 2024. No. 2. P. 124.

граждения за предоставление услуг или как результата самостоятельного создания актива.

2.2. Правовые отношения между участниками стейкинга с точки зрения российского законодательства

Вопрос о существовании правовых отношений между участниками внутри блокчейна на протяжении длительного времени остается предметом дискуссий как зарубежных²⁸, так и российских правоведов²⁹. Основная трудность заключается в отсутствии конкретной идентифицируемой стороны, с которой могли бы возникнуть правовые отношения. Фактически ни одно лицо не выплачивает вознаграждение в результате стейкинга, т.к. передача цифровой валюты является следствием запрограммированного процесса.

Несмотря на это, по мнению некоторых российских исследователей, отсутствие определяемого лица не является препятствием для существования обязательственных отношений в блокчейне. Например, с точки зрения М. А. Успенского, рассматривающего работу блокчейна на механизме консенсуса PoW и поддерживающего позицию о существовании обязательственных отношений внутри блокчейна, должником в обязательстве будет именно валидатор (полная нода), а суть обязательства должна заключаться в валидации в соответствии с механизмом консенсуса³⁰. Автор также отмеча-

ет, что даже формальное отсутствие обязанного лица не препятствует возникновению обязательственных отношений. Это особенно справедливо для случаев, когда обязанным лицом признается конкретный валидатор, выполняющий программно-детерминированные действия по внесению или изменению записей в блокчейн³¹.

Важно отметить, что ряд исследователей не согласны с мнением о наличии обязательственных отношений внутри блокчейна. В частности, Р. М. Янковский считает, что характер прав на криптовалюту ближе к абсолютному, нежели к относительному, хотя однозначно квалифицировать их как абсолютные довольно сложно³². По его мнению, попытки доказать существование относительных прав на криптовалюту, а также поиск обязанных лиц внутри блокчейна приведут лишь к очередным нестыковкам.

Позиция Л. А. Новоселовой о том, что блокчейн фактически функционирует на основании многостороннего соглашения, также является неоднозначной³³. Д. В. Федоров считает признание наличия между всеми участниками блокчейна многостороннего договора противоречивым, т.к. неясны практические последствия выделения такого многостороннего обязательства³⁴. С такой квалификацией не согласны и некоторые другие исследователи³⁵.

Следует поддержать позицию о том, что сама цифровая валюта может становиться объектом как относительных, так и абсолютных прав³⁶.

²⁸ Alston E. Blockchain and the Law — Legality, Law-like Characteristics, and Legal Applications. 2021 // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3641997 (дата обращения: 08.05.2025).

²⁹ Ефимова Л. Г. Виды правоотношений, возникающих на платформе блокчейн // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 8. С. 20.

³⁰ Успенский М. А. Гражданско-правовая природа цифровой валюты в общем и континентальном праве // Закон. 2023. № 9. С. 99.

³¹ Успенский М. А. Указ. соч. С. 99.

³² Янковский Р. М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 50.

³³ Новоселова Л. А. О правовой природе биткоина // Хозяйство и право. 2017. № 9. С. 10.

³⁴ Федоров Д. В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 24.

³⁵ Савельев А. И. Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений // Закон. 2018. № 2. С. 43.

³⁶ Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. 2022. № 4. URL: <https://newtech.legal/cabinet/catalog/tsivilist/3186/4823/> (дата обращения: 09.05.2025).

Так, причисления криптовалюты к иному имуществу достаточно для констатации того, что криптовалюта может выступать объектом относительных правоотношений и быть, например, предметом договорного обязательства³⁷. Однако соответствующий тезис не доказывает существование каких-либо относительных правоотношений между участниками блокчейна на уровне владельца цифровой валюты и иных участников блокчейна.

Неопределенность в вопросе существования обязательственных отношений в публичных блокчейнах затрудняет однозначную квалификацию цифровой валюты, полученной в качестве вознаграждения за стейкинг: является ли она новым имуществом (результатом создания) или доходом от оказания услуг. Такая неопределенность приводит к тому, что использование рассматриваемого тезиса для обоснования подхода к моменту определения дохода представляется ненадежным. Следует обратиться к более детальному анализу налогового законодательства России для решения этого вопроса.

2.3. Возникновение дохода в результате стейкинга: анализ российского налогового законодательства

Обратимся к более подробному анализу определения дохода, закрепленного в ст. 41 НК РФ. Как уже было отмечено, вопрос о возникновении объекта налогообложения в результате стейкинга тесно связан с появлением дохода от такой операции. Доход признается объектом налогообложения с точки зрения НДФЛ, а также элементом, формирующим налоговую базу по налогу на прибыль.

Многие исследователи, анализируя понятие «доход», предусмотренное в ст. 41 НК РФ, не раз обращали внимание на его несовершенство и недостаточную определенность, а именно на отсутствие закрепленной категории «экономи-

ческая выгода», неопределенность положения об учете выгоды, по отношению к которой существует возможность ее оценки, и т.д.³⁸

Как справедливо отмечал С. Г. Пепеляев, на сегодняшний день НК РФ использует термин «доход» в двух значениях: как поступление (приход в определенной сумме) и как изменение имущественного состояния лица. Кроме того, анализируя вышеупомянутое определение, он делает вывод, что доходом являются все получаемые налогоплательщиком блага, кроме прямо указанных в законе в качестве необлагаемых, иначе говоря, законодателем устанавливается презумпция облагаемости поступающих лицу материальных благ³⁹.

На сегодняшний день исследователями выделяются следующие основные концепции дохода: источника дохода (source concept), прироста достатка (accretion concept) и траста (trust concept)⁴⁰. Они не являются взаимоисключающими. Напротив, в законодательстве и правоприменительной практике многих государств зачастую применяются одновременно несколько концепций, что позволяет учитывать различные аспекты налогообложения и адаптироваться к специфике экономических отношений. Так, по мнению С. Г. Пепеляева, в российском законодательстве нет ярко выраженной приверженности к какой-либо концепции дохода⁴¹. Для углубленного анализа категории дохода целесообразно рассматривать конкретные критерии его определения, а не пытаться выявить универсальную концепцию.

В правовых дискуссиях о налогообложении стейкинга исследователи активно обращаются к американской концепции дохода, а именно к принципу реализации (realization concept), основная идея которого заключается в том, что простого увеличения или уменьшения стоимости актива недостаточно для появления послед-

³⁷ Федоров Д. В. Указ. соч. С. 29.

³⁸ См.: Чуркин А. В. Комментарий к отдельным положениям НК РФ, определяющим понятие дохода // Налоговед. 2004. № 3. С. 13; Ахметшин Р. И. Понятие дохода: проблемы правоприменения // Налоговед. 2010. № 3. С. 60.

³⁹ Пепеляев С. Г. Налогово-правовое понятие дохода // Налоговед. 2014. № 11. С. 16.

⁴⁰ Thuronyi V. Comparative Tax Law. Kluwer Law International, 2003. P. 235–240.

⁴¹ Пепеляев С. Г. Указ. соч. С. 20.

ствий в виде обложения подоходным налогом. Для возникновения налогооблагаемого события требуется завершённое действие, например продажа, обмен или иная рыночная операция, которая изменит отношение налогоплательщика к его активу⁴². Следовательно, нереализованное повышение стоимости не является истинной экономической выгодой и не должно облагаться налогом⁴³.

Появление соответствующего принципа связано с решением Верховного суда США по делу *Eisner v. Macomber* (1920), где суд давал правовое толкование термину «доход» в контексте Шестнадцатой поправки к Конституции США. Верховный суд США, анализируя трактовку дохода в Законе о налогах 1909 г., указал, что формулировка «полученный из капитала» (*derived from capital*) прямо указывает на требование реализации⁴⁴. *Eisner v. Macomber* стало значимым судебным делом, которое инициировало дальнейшую дискуссию о признании принципа реализации конституционным требованием в США и заложило основу для понимания дохода как реализованной экономической выгоды, отделенной от капитала. Несмотря на важность рассматриваемого принципа для подоходного налогообложения в Америке, он остается предметом активных правовых и экономических дискуссий⁴⁵.

Ряд американских исследователей, апеллируя к нему, обосновывают позицию о том, что налоговые обязательства должны возникать именно в момент реализации цифровой валюты, полученной в результате стейкинга⁴⁶. Если рассматривать цифровую валюту в качестве созданного имущества, то признание дохода в момент его создания и до фактической реали-

зации противоречило бы указанной концепции. Соответствующее положение побуждает задуматься над вопросом, признается ли в российской налоговой доктрине реализация в качестве обязательного признака дохода.

Проблемы определения дохода в конкретных ситуациях регулярно возникают в российской судебной практике. Отдельные исследователи анализируют судебные решения, стремясь выявить критерии дохода, соответствующие НК РФ. Например, Р. И. Ахметшин, исследуя законодательную дефиницию дохода, а также судебную практику, выделяет его следующие основные признаки: наличие прироста имущества через поступление или экономию; возможность полного распоряжения полученным имуществом (для доходов в форме поступлений); наличие заинтересованности налогоплательщика в получении дохода⁴⁷.

Особого критерия дохода в виде реализации Р. И. Ахметшиным или другими исследователями не выделяется.

Можно предположить, что потенциально критерий дохода в виде реализации может быть связан с критерием экономической выгоды, т.к. реализация является тем юридическим фактом, который трансформирует потенциальную экономическую выгоду в фактический прирост дохода, подлежащий объективной оценке. Однако по итогам рассмотрения судебной практики по вопросам определения дохода для целей как НДФЛ, так и налога на прибыль не удается найти решений, где суды бы рассматривали реализацию в качестве самостоятельного критерия для признания дохода. Суды, как правило, обращаются к реализации только в тех ситуациях, когда она прямо определена как объект налогообло-

⁴² Kornhauser M. E. The Story of Macomber: The Continuing Legacy of Realization // *Tax Stories: An In-Depth Look at Ten Leading Federal Income Tax Cases*. New York : Foundation Press, 2009. P. 95.

⁴³ Elkins D. The Myth of Realization: Mark-to-Market Taxation of Publicly-Traded Securities // *Florida Tax Review*. 2011. No. 5. P. 382.

⁴⁴ Kwall L. J. When Should Asset Appreciation Be Taxed? The Case for a Disposition Standard of Realization // *Indiana Law Journal*. 2010. No. 86. P. 13.

⁴⁵ Avi-Yonah R. S. Effects From Moore: Does the Corporate Tax Require Realization? // *Tax Notes Federal*. 2024. No. 4. P. 661.

⁴⁶ Sutherland A. Phantom Income and the Taxation of New Cryptocurrency Tokens. P. 670.

⁴⁷ Ахметшин Р. И. Указ. соч. С. 67.

жения, выступающий основанием для возникновения налогового обязательства, или является юридическим фактом, приводящим к возникновению дохода. Такой подход к реализации не позволяет рассматривать ее в качестве универсального критерия для признания дохода, в отличие, например, от экономической выгоды, к анализу которой суды прибегают регулярно⁴⁸.

Реализация, безусловно, выступает ключевым источником дохода как для налога на прибыль, так и для НДФЛ, однако ее нельзя считать исключительным основанием для возникновения налогооблагаемого дохода. Так, для налога на прибыль доходы от реализации товаров, работ и услуг являются лишь одной из категорий дохода. Помимо этого, статья 250 НК РФ закрепляет и доходы, которые напрямую не связаны с реализацией (например, проценты по займам, штрафы, курсовые разницы). Что касается НДФЛ, то в соответствии с Кодексом доходом может быть признана как реализация имущества, так и иные экономические выгоды (например, получение подарка, выигрыша).

Таким образом, можно говорить о том, что концепция дохода, установленная НК РФ, не предусматривает принцип реализации как обязательный и универсальный критерий дохода. С определенной долей условности можно утверждать, что подход НК РФ к определению дохода во многих ситуациях может опираться на реализацию как на объективный факт получения дохода. В частности, как и в США, выращенные физически лицом овощи не будут доходом налогоплательщика до момента их фактической реализации, несмотря на прирост экономической выгоды в виде появления у него новых продуктов. Действия законодателя в данной сфере носят фрагментарный характер и обусловлены скорее принципом налоговой эффективности. Что касается юридических лиц, то

подход к признанию такого дохода будет дополнительно дифференцироваться в зависимости от учетной политики и требований НК РФ: если организация использует кассовый метод, доход от выращенной продукции действительно возникает только при поступлении денег или списания оплаты (п. 2 ст. 273), тогда как при методе начисления доходы учитываются в том отчетном периоде, в котором они имели место, независимо от фактического поступления денежных средств, например в момент перехода права собственности (п. 1 ст. 271).

Обратимся к аргументу о том, что включение в доход вознаграждений за стейкинг в момент их получения некорректно, поскольку это ведет к игнорированию эффекта размывания и тем самым к завышению дохода налогоплательщика. В первую очередь следует сказать, что даже если эффект размывания существует, то это не отменяет получения налогоплательщиком дохода в определенной форме, который соответствует трактовке, предусмотренной статьей 41 НК РФ. Получаемое вознаграждение за стейкинг является экономической выгодой для налогоплательщика, в ином случае оно не могло бы служить стимулом для участия в валидации блокчейн-сетей.

Кроме того, в НК РФ отсутствуют положения, которые бы прямо предусматривали корректировку налоговой базы по налогу на прибыль с учетом размывания (инфляции). Соответствующий вывод также верен и по отношению к исчислению и уплате НДФЛ, несмотря на критику некоторых исследователей⁴⁹. Например, при получении заработной платы налогоплательщик обязан учитывать в качестве дохода ее полную сумму (пп. 1 п. 1 ст. 223 НК РФ), а не сумму, уменьшенную на прогнозируемый уровень инфляции за период между получением средств и их использованием.

⁴⁸ Из последнего см.: постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2025 № 2-П «По делу о проверке конституционности подпункта 5 пункта 3 статьи 39, пункта 1 статьи 41, пунктов 1 и 2 статьи 248, пунктов 1 и 2 статьи 249, а также пункта 1 статьи 346.15 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. 22.01.2025. № 0001202501220001.

⁴⁹ *Шишканов А. О.* К вопросу об учете инфляции при налогообложении заемных операций // *Налоговед.* 2018. № 5. С. 48.

Если провести аналогию с акциями, то доход в натуральной форме в виде полученных акций для целей исчисления и уплаты НДФЛ по общему правилу подлежит налогообложению в момент их получения (пп. 3 п. 1 ст. 223 НК РФ), несмотря на то, что впоследствии доля владения может быть размыта из-за дополнительной эмиссии, приводящей к снижению стоимости таких акций.

С учетом вышеперечисленного довод о некорректности включения вознаграждения за стейкинг в состав дохода на момент его получения по причине игнорирования эффекта размывания доли владения (инфляции) также не поддерживается действующими положениями НК РФ.

Таким образом, НК РФ не содержит убедительных оснований для возможности признания дохода в результате стейкинга цифровой валюты в момент ее реализации. Следовательно, в соответствии с системным толкованием НК РФ доход в результате стейкинга по аналогии с майнингом следует учитывать в тот момент, когда у осуществляющего стейкинг цифровой валюты лица возникает право распоряжаться полученной цифровой валютой, для целей НДФЛ. Что касается налога на прибыль, то момент определения дохода от стейкинга дополнительно будет зависеть от применимой организацией учетной системы (кассовый метод и метод начисления). Аналогично принципам налогообложения майнинга обоснованно распространить на стейкинг правило о расчете дохода исходя из рыночной стоимости полученных цифровых активов на дату их фактического признания в налоговом учете.

2.4. Об учете расходов при стейкинге

Стоит также отметить, что, помимо доходов, полученных в результате стейкинга, налогоплательщику необходимо учитывать и сопутствующие расходы от этой деятельности. Вследствие этого по аналогии с регулированием майнинга (п. 5 ст. 282.3 НК РФ) затраты, связанные с

осуществлением стейкинга цифровой валюты, должны подлежать включению в налоговую базу для целей исчисления налога на прибыль.

Что касается НДФЛ, то, как и в случае с майнингом (абз. 5 п. 2.3 ст. 210, пп. 5 п. 1 ст. 220 НК РФ), целесообразно предусмотреть право налогоплательщиков на имущественный вычет, т.к. они должны иметь возможность уменьшить доходы от стейкинга на сумму документально подтвержденных расходов, непосредственно связанных с этой деятельностью.

В отличие от энергозатратного майнинга стейкинг имеет структуру расходов, обусловленную отсутствием необходимости в специализированном оборудовании и высоком энергопотреблении. К типичным затратам при стейкинге могут относиться, например, комиссии стейкинг-пулов (в частности, в случае делегированного стейкинга), а также другие расходы⁵⁰.

Особый интерес в этом контексте вызывает возможность учета расходов в виде слэшинга. Вопрос о включении слэшинга в состав расходов при расчете налоговой базы по налогу на прибыль является дискуссионным. Аргументом в пользу учета таких затрат может служить подпункт 13 п. 1 ст. 265 НК РФ, допускающий включение в расходы сумм штрафов, пеней и иных санкций за неисполнение обязательств. Несмотря на неоднозначность вопроса о существовании обязательств при стейкинге, логика налогового законодательства предполагает учет санкций, если они являются экономически обоснованными и документально подтвержденными, что служит доводом в пользу потенциального признания соответствующих расходов.

В контексте обложения НДФЛ, учитывая, что подпункт 5 п. 1 ст. 220 НК РФ предусматривает право налогоплательщика на имущественный налоговый вычет при получении дохода от майнинга в размере документально подтвержденных затрат, непосредственно связанных с этой деятельностью, логично распространить данные нормы и на стейкинг. Как указывал Конституционный Суд РФ в постановлении от

⁵⁰ *Титоренко С. К.* Правовое регулирование налогообложения доходов физических лиц, полученных в процессе подтверждения операций с цифровыми валютами по алгоритму Proof-of-Stake // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 6. С. 92.

01.03.2012 № 6-П⁵¹, возложенное на налогоплательщика бремя уплаты НДФЛ, исходя из сущности данного вида налога, должно определяться таким образом, чтобы полученный им доход уменьшался на установленные законом налоговые вычеты, а налогом облагался бы так называемый чистый доход. Следовательно, т.к. целью НДФЛ является налогообложение чистого дохода налогоплательщика, то распространение налоговых вычетов, в том числе и на доход от стейкинга, в размере документально подтвержденных затрат, непосредственно связанных с этой деятельностью, будет обоснованным.

2.5. Возникновение дохода в результате ликвидного стейкинга

При анализе налогообложения доходов от стейкинга также важно обратить внимание и на так называемый ликвидный стейкинг, выделяемый некоторыми исследователями⁵². По сути ликвидный стейкинг представляет собой механизм, позволяющий сохранять возможность использования заблокированных активов через эмиссию производной цифровой валюты⁵³. Таким образом, пока исходная цифровая валюта приносит пассивный доход за счет участия в валидации, ее производный аналог может быть использован для дополнительного заработка в сфере децентрализованных финансов⁵⁴. Впоследствии соответствующую производную ци-

фровую валюту можно конвертировать обратно в исходный актив или реализовать⁵⁵.

Природа ликвидного стейкинга поднимает вопрос о налоговой трактовке операций с производными цифровыми валютами. Можно выделить два основных подхода к этой ситуации. Первый заключается в оценке получения производной цифровой валюты как обмена одного актива на другой. Согласно общепринятой налоговой практике договор мены должен рассматриваться в качестве двух встречных операций по реализации⁵⁶. В таком случае разница между рыночной стоимостью исходного актива и полученной на момент сделки будет формировать прибыль или убыток для целей налогообложения.

В соответствии со вторым подходом получение производной цифровой валюты должно рассматриваться как изменение формы актива, а не его обмен. Такое изменение формы не образует экономической выгоды у получателя производной цифровой валюты в момент ее получения. Несмотря на возможную техническую обоснованность и логичность такой интерпретации, следует отметить, что данный подход меньше поддерживают специалисты⁵⁷.

Таким образом, определение реальной экономической выгоды в ликвидном стейкинге является не самой простой задачей. Рассмотрение обмена исходной криптовалюты на производ-

⁵¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 01.03.2012 № 6-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго подпункта 2 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 3. С. 12–18.

⁵² Манахова И. В., Колмыков К. А. Управление в сфере децентрализованных финансов на основе технологии блокчейн // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2024. № 3. С. 419–420.

⁵³ Например, такую возможность предоставляет платформа Lido (см.: Что такое Lido (LDO) // URL: <https://academy.binance.com/ru/articles/what-is-lido-lido> (дата обращения: 08.05.2025)).

⁵⁴ Как использовать токены ликвидного стейкинга (LST) для повышения доходности // URL: <https://tradelink.pro/blog/ru/how-to-use-liquid-staking-tokens-lst-to-increase-yield/> (дата обращения: 08.05.2025).

⁵⁵ Что такое ликвидный стейкинг? // URL: <https://forklog.com/cryptorium/chto-takoe-likvidnyj-stejking> (дата обращения: 09.05.2025).

⁵⁶ См., например: ч. 9 Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с применением главы 23 Налогового кодекса Российской Федерации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.10.2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁷ Complete Guide to DeFi Taxes (2025 Update) // URL: <https://gordonlaw.com/learn/defi-tax-guide/> (дата обращения: 08.05.2025).

ный актив в качестве налогооблагаемой операции будет более консервативным и безопасным подходом. Однако без конкретики в законодательстве по отношению к ликвидному стейкингу риски двойного толкования налоговых последствий будут сохраняться.

2.6. Стейкинг и налог у источника

Одним из интересных и неоднозначных вопросов в сфере налогообложения стейкинга остается определение необходимости взимания налога у источника выплаты с доходов в виде цифровой валюты, полученных от этой деятельности. Как отмечал А. А. Шахмаматьев, НК РФ не содержит правил, критериев либо методики классификации доходов, полученных иностранной организацией от источников в Российской Федерации и за ее пределами⁵⁸. Значимой для науки налогового права попыткой сформулировать критерии доходов иностранных организаций от источников в России является определение Верховного Суда РФ от 12.07.2018 по делу № А50-16961/2017. В рассматриваемом деле Суд выделил следующие критерии для признания дохода полученным иностранной организацией от источников в нашей стране: связь дохода с территорией РФ, отнесение произведенных выплат к категории пассивного дохода.

Как отмечает Д. Е. Анищенко, перечисленные в определении Верховным судом критерии дают ориентиры для установления признаков доходов, полученных от источников в РФ, но не устраняют правовую неопределенность, в частности по причине отсутствия легальной дефиниции пассивных доходов⁵⁹. Анализируя распространенную характеристику доходов иностранных лиц, полученных от других государств, автор предлагает концептуальную трактовку пассивных доходов. Согласно его позиции, к пассивным относятся доходы, получение которых не связано с использованием человеческих факторов производства иностранного налогопла-

тельщика в процессе создания экономических благ, за счет которых извлекается доход, и участие самого иностранного налогоплательщика в процессе создания таких экономических благ ограничивается лишь предоставлением капитала либо вообще отсутствует⁶⁰.

Применяя это определение, например, к делегированному стейкингу, можно говорить, что вознаграждение в виде новой цифровой валюты от такой деятельности концептуально соответствует критериям пассивного дохода: участник не вовлечен напрямую в операционную деятельность сети (валидацию), а его вклад сводится к предоставлению капитала (цифровой валюты). Исключением может выступать прямой стейкинг, где лицо способно самостоятельно являться валидатором и напрямую содействовать работе блокчейна. Это может ставить под сомнение пассивный характер такой деятельности, а также обоснованность взимания налога у источника.

Важно также отметить, что уникальная природа стейкинга как деятельности затрудняет определение его территориальной привязки к России. Обращаясь к регулированию майнинга, НК РФ предусматривает, что доход в виде цифровой валюты, полученный от майнинга на территории нашей страны, рассматривается как доход от источников в России и подлежит обложению НДФЛ (пп. 9.3 п. 1 ст. 208). В случае принятия решения о разработке аналогичного положения для стейкинга возникает разумный вопрос: в каком случае доход от стейкинга будет считаться полученным на территории России? В отличие от майнинга, требующего использования специализированного оборудования, физически расположенного в конкретной юрисдикции, стейкинг не имеет аналогичной материальной основы для однозначной географической идентификации. С учетом отсутствия однозначной привязки стейкинга к какой-либо территории законодателю необходимо закрепить четкие критерии, определяющие,

⁵⁸ Шахмаматьев А. А. Международное налоговое право. М., 2014. С. 379.

⁵⁹ Анищенко Д. Е. Правовые основы взимания налогов, удерживаемых в Российской Федерации у источника дохода при выплатах иностранным лицам : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 57.

⁶⁰ Анищенко Д. Е. Указ. соч. С. 13.

при каких условиях такая деятельность будет признаваться осуществляемой на территории России.

Например, в отношении налога на прибыль российский законодатель устанавливает, что доход иностранных организаций, не осуществляющих деятельность через постоянное представительство, от участия в майнинг-пуле признается доходом от источников в России (пп. 9.5 п. 1 ст. 309 НК РФ). Следовательно, законодатель закрепляет критерий отнесения дохода к полученному на территории Российской Федерации, связывая его с деятельностью майнинг-пула, зарегистрированного в России. Аналогичный подход можно предложить и для стейкинг-пулов ввиду сходного принципа объединения цифровых валют участников для генерации дохода через механизм консенсуса PoS⁶¹. Однако стоит учитывать, что если майнер или лицо, организующее работу майнинг-пула, может быть заинтересовано в легализации и выходе из теневого сектора посредством официальной регистрации (например, из-за возможности отследить его деятельность по объему потребляемой энергии), то в случае со стейкинг-пулом выявить подобную активность значительно сложнее, что будет снижать стимулы для выхода налогоплательщика из тени.

Таким образом, взимание налога у источника с дохода от стейкинга может быть обоснованным, если иностранное лицо участвует в стейкинг-пуле, зарегистрированном в России. Вопрос о налогообложении дохода у источника выплат в отношении иностранного участника, осуществляющего деятельность на территории другого государства, но участвующего в российском стейкинг-пуле через механизм прямого стейкинга, является предметом дискуссий. Для дальнейшего развития правового регулирования налогообложения стейкинга также целесообразно законодательно закрепить понятие «стейкинг-пул» и ввести обязательное требование о его регистрации на территории РФ по аналогии с действующими нормами для майнинг-пулов.

Выводы

Стейкинг и майнинг, будучи разными формами алгоритмов консенсуса, обладают существенными техническими и иными различиями. Однако эти особенности не должны служить основанием для принципиально разного подхода к налогообложению дохода, возникающего в результате этой деятельности. Экономическая суть обоих процессов — вознаграждение за поддержание работы блокчейна — остается сходной, что предполагает необходимость единого образного налогового регулирования.

Учитывая вышеизложенное, вознаграждение в виде цифровых валют, полученное в результате стейкинга, следует признавать доходом налогоплательщика в рамках исчисления как НДФЛ, так и налога на прибыль. Отсутствие в НК РФ прямых положений, регулирующих порядок признания и налогообложения таких доходов, порождает правовую неопределенность, вследствие чего требуется внесение соответствующих поправок на законодательном уровне для устранения пробелов.

Позиция о том, что в момент получения цифровой валюта не должна считаться доходом налогоплательщика и налогооблагаемый доход должен возникать лишь при ее реализации, не находит поддержки на основании системного анализа положений НК РФ. Существующие аргументы в пользу данного подхода опровергаются, и нельзя с уверенностью говорить о том, что он преобладает среди исследователей.

Технологические особенности стейкинга, такие как отсутствие энергозатрат, влияют на состав расходов, которые потенциально могут учитываться для целей НДФЛ и налога на прибыль. Возможность учета некоторых специфических для стейкинга расходов (слэшинг) должна быть конкретно определена во избежание дальнейшего двоякого толкования.

Вопрос о налогообложении ликвидного стейкинга как особой формы стейкинга, связанной с получением производной цифровой валюты, порождает противоречивые позиции. Несмотря

⁶¹ Подробнее про стейкинг-пулы см.: Staking Pool Definition // URL: <https://coinmarketcap.com/academy/glossary/staking-pool> (дата обращения: 08.05.2025).

на техническую возможность трактовать получение производной цифровой валюты как изменение формы актива (без налогооблагаемого события), более консервативным подходом является квалификация такой операции как обмена, что влечет необходимость признания дохода или убытка на момент получения производной цифровой валюты.

Вопрос о целесообразности удержания налога у источника с доходов от цифровых валют, полученных от стейкинга, также является дискуссионным. Это связано с отсутствием критериев, позволяющих однозначно квали-

фицировать такие выплаты как пассивные и определить их связь с российской юрисдикцией. Отсутствие явной географической привязки стейкинга требует от законодателя закрепления критериев, позволяющих однозначно относить такие операции к российской юрисдикции. По аналогии с регулированием майнинга таким критерием может выступать регистрация иностранного участника в стейкинг-пуле, зарегистрированном на территории РФ. Это создаст правовые основания для применения механизма налогового удержания у источника к доходам от стейкинга.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Анищенко Д. Е.* Правовые основы взимания налогов, удерживаемых в Российской Федерации у источника дохода при выплатах иностранным лицам : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2023. — 225 с.
2. *Ахметшин Р. И.* Понятие дохода: проблемы правоприменения // *Налоговед.* — 2010. — № 3. — С. 58–67.
3. *Ефимова Л. Г.* Виды правоотношений, возникающих на платформе блокчейн // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).* — 2020. — № 8. — С. 16–27.
4. *Ефимова Л. Г.* О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // *Цивилист.* — 2022. — № 4. — URL: <https://newtech.legal/cabinet/catalog/tsivilist/3186/4823/>.
5. *Кашеварова Н. А., Куликова М. Е., Ряскина А. Д.* Обзор механизмов консенсуса и их применение в бизнес-практике // *Креативная экономика.* — 2022. — № 12. — С. 4787–4802.
6. *Коржова И. В.* Концепция правового регулирования майнинга // *Право и государство: теория и практика.* — 2023. — № 1. — С. 88–95.
7. *Манахова И. В., Колмыков К. А.* Управление в сфере децентрализованных финансов на основе технологии блокчейн // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика.* — 2024. — № 3. — С. 416–432.
8. *Новоселова Л. А.* О правовой природе биткоина // *Хозяйство и право.* — 2017. — № 9. — С. 3–16.
9. *Пепеляев С. Г.* Налогово-правовое понятие дохода // *Налоговед.* — 2014. — № 11. — С. 14–25.
10. *Плеханова Л. С.* Криптовалюты как социально-экономическое явление // *Вестник Московского университета.* — 2023. — № 3. — С. 85–107.
11. *Савельев А. И.* Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений // *Закон.* — 2018. — № 2. — С. 36–51.
12. *Титоренко С. К.* Правовое регулирование налогообложения доходов физических лиц, полученных в процессе подтверждения операций с цифровыми валютами по алгоритму Proof-of-Stake // *Имущественные отношения в Российской Федерации.* — 2023. — № 6. — С. 89–93.
13. *Успенский М. А.* Гражданско-правовая природа цифровой валюты в общем и континентальном праве // *Закон.* — 2023. — № 9. — С. 16–26.
14. *Федоров Д. В.* Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // *Вестник гражданского права.* — 2018. — № 2. — С. 30–74.
15. *Чуркин А. В.* Комментарий к отдельным положениям НК РФ, определяющим понятие дохода // *Налоговед.* — 2004. — № 3. — С. 12–14.
16. *Шахматьев А. А.* Международное налоговое право. — М. : Международные отношения, 2014. — 823 с.

17. Шишканов А. О. К вопросу об учете инфляции при налогообложении заемных операций // *Налоговед.* — 2018. — № 5. — С. 40–48.
18. Янковский Р. М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* — 2020. — № 4. — С. 43–77.
19. Alston E. Blockchain and the Law — Legality, Law-like Characteristics, and Legal Applications. 2021 // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3641997.
20. Avi-Yonah R. S. Effects From Moore: Does the Corporate Tax Require Realization? // *Tax Notes Federal.* — 2024. — No. 4. — P. 661–666.
21. Cipollini C. Crypto Staking Taxation Across Selected Countries: A Critical Evaluation // *Intertax.* — 2024. — No. 2. — P. 118–138.
22. Cong L. W., He Z., Tang K. Staking, Token Pricing, and Crypto Carry. 2022 // URL: <https://www.hec.edu/sites/default/files/documents/Staking%20Paper%20June%202022.pdf>.
23. Elkins D. The Myth of Realization: Mark-to-Market Taxation of Publicly-Traded Securities // *Florida Tax Review.* — 2011. — No. 5. — P. 375–407.
24. Kornhauser M. E. The Story of Macomber: The Continuing Legacy of Realization // *Tax Stories: An In-Depth Look at Ten Leading Federal Income Tax Cases.* — New York : Foundation Press, 2009. — P. 93–135.
25. Kwall L. J. When Should Asset Appreciation Be Taxed? The Case for a Disposition Standard of Realization // *Indiana Law Journal.* — 2010. — No. 86. — P. 1–56.
26. Lehmann M., Held A., Krysa F., Prévost E., Schinerl F., Vogelauer R. Staking Your Crypto: What are the Stakes? // *Journal of Business & Technology Law.* — 2023. — Vol. 19. — P. 1–43.
27. Marian O. Law, Policy, and the Taxation of Block Rewards. 2022 // URL: <https://www.taxnotes.com/featured-analysis/law-policy-and-taxation-block-rewards/2022/06/03/7dhq5>.
28. Sutherland A. Cryptocurrency Economics and the Taxation of Block Rewards // *Tax Notes Federal.* — 2019. — No. 4. — P. 748–972.
29. Sutherland A. Phantom Income and the Taxation of New Cryptocurrency Tokens // *Tax Notes Federal.* — 2023. — No. 178. — P. 669–680.
30. Thuronyi V. Comparative Tax Law. — Kluwer Law International, 2003. — 373 p.

Материал поступил в редакцию 9 мая 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Anishchenko D. E. Pravovye osnovy vzimaniya nalogov, uderzhivaemykh v Rossiyskoy Federatsii u istochnika dokhoda pri vyplatakh inostrannym litsam: dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2023. — 225 s.
2. Akhmetshin R. I. Ponyatie dokhoda: problemy pravoprimeneniya // *Nalogoved.* — 2010. — № 3. — S. 58–67.
3. Efimova L. G. Vidy pravootnosheniy, vznikayushchikh na platforme blokcheyn // *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA).* — 2020. — № 8. — S. 16–27.
4. Efimova L. G. O pravovoy prirode beznalichnykh deneg, tsifrovoy valyuty i tsifrovogo rublya // *Tsivilist.* — 2022. — № 4. — URL: <https://newtech.legal/cabinet/catalog/tsivilist/3186/4823/>.
5. Kashevarova N. A., Kulikova M. E., Ryaskina A. D. Obzor mekhanizmov konsensusa i ikh primeneniye v biznes-praktike // *Kreativnaya ekonomika.* — 2022. — № 12. — S. 4787–4802.
6. Korzhova I. V. Kontsepsiya pravovogo regulirovaniya mayninga // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika.* — 2023. — № 1. — S. 88–95.
7. Manakhova I. V., Kolmykov K. A. Upravlenie v sfere detsentralizovannykh finansov na osnove tekhnologii blokcheyn // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika.* — 2024. — № 3. — S. 416–432.
8. Novoselova L. A. O pravovoy prirode bitkoina // *Khozyaystvo i pravo.* — 2017. — № 9. — S. 3–16.
9. Pepelyaev S. G. Nalogovo-pravovoe ponyatie dokhoda // *Nalogoved.* — 2014. — № 11. — S. 14–25.

10. Plekhanova L. S. Kriptovalyuty kak sotsialno-ekonomicheskoe yavlenie // Vestnik Moskovskogo universiteta. — 2023. — № 3. — S. 85–107.
11. Savelev A. I. Nekotorye riski tokenizatsii i blokcheynizatsii grazhdansko-pravovykh otnosheniy // Zakon. — 2018. — № 2. — S. 36–51.
12. Titorenko S. K. Pravovoe regulirovanie nalogooblozheniya dokhodov fizicheskikh lits, poluchennykh v protsesse podtverzhdeniya operatsiy s tsifrovymi valyutami po algoritmu Proof-of-Stake // Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii. — 2023. — № 6. — S. 89–93.
13. Uspenskiy M. A. Grazhdansko-pravovaya priroda tsifrovoy valyuty v obshchem i kontinentalnom prave // Zakon. — 2023. — № 9. — S. 16–26.
14. Fedorov D. V. Tokeny, kriptovalyuta i smart-kontrakty v otechestvennykh zakonoproektakh s pozitsii inostrannogo opyta // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2018. — № 2. — S. 30–74.
15. Churkin A. V. Kommentariy k otdelnym polozheniyam NK RF, opredelyayushchim ponyatie dokhoda // Nalogoved. — 2004. — № 3. — S. 12–14.
16. Shakhmametev A. A. Mezhdunarodnoe nalogovoe pravo. — M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2014. — 823 s.
17. Shishkanov A. O. K voprosu ob uchete inflyatsii pri nalogooblozhenii zaemnykh operatsiy // Nalogoved. — 2018. — № 5. — S. 40–48.
18. Yankovskiy R. M. Kriptovalyuty v rossiyskom prave: surrogaty, «inoe imushchestvo» i tsifrovye dengi // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. — 2020. — № 4. — S. 43–77.
19. Alston E. Blockchain and the Law — Legality, Law-like Characteristics, and Legal Applications. 2021 // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3641997.
20. Avi-Yonah R. S. Effects From Moore: Does the Corporate Tax Require Realization? // Tax Notes Federal. — 2024. — No. 4. — P. 661–666.
21. Cipollini C. Crypto Staking Taxation Across Selected Countries: A Critical Evaluation // Intertax. — 2024. — No. 2. — P. 118–138.
22. Cong L. W., He Z., Tang K. Staking, Token Pricing, and Crypto Carry. 2022 // URL: <https://www.hec.edu/sites/default/files/documents/Staking%20Paper%20June%202022.pdf>.
23. Elkins D. The Myth of Realization: Mark-to-Market Taxation of Publicly-Traded Securities // Florida Tax Review. — 2011. — No. 5. — P. 375–407.
24. Kornhauser M. E. The Story of Macomber: The Continuing Legacy of Realization // Tax Stories: An In-Depth Look at Ten Leading Federal Income Tax Cases. — New York: Foundation Press, 2009. — P. 93–135.
25. Kwall L. J. When Should Asset Appreciation Be Taxed? The Case for a Disposition Standard of Realization // Indiana Law Journal. — 2010. — No. 86. — P. 1–56.
26. Lehmann M., Held A., Krysa F., Prévost E., Schinerl F., Vogelauer R. Staking Your Crypto: What are the Stakes? // Journal of Business & Technology Law. — 2023. — Vol. 19. — P. 1–43.
27. Marian O. Law, Policy, and the Taxation of Block Rewards. 2022 // URL: <https://www.taxnotes.com/featured-analysis/law-policy-and-taxation-block-rewards/2022/06/03/7dhq5>.
28. Sutherland A. Cryptocurrency Economics and the Taxation of Block Rewards // Tax Notes Federal. — 2019. — No. 4. — P. 748–972.
29. Sutherland A. Phantom Income and the Taxation of New Cryptocurrency Tokens // Tax Notes Federal. — 2023. — No. 178. — P. 669–680.
30. Thuronyi V. Comparative Tax Law. — Kluwer Law International, 2003. — 373 p.